

*Мария
Арбатова*

НЕДЕЛЯ НА МАНХЭТТЕНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва 2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2рос=Рус)6-44
А79

*Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах».
Воспроизведение книги любым способом,
в целом или частично, без разрешения правообладателей
будет преследоваться в судебном порядке»*

Фотография на 4-й странице обложки – *Сергей Головач*

Издательство благодарит автора за предоставленные фотографии.

Арбатова, Мария.
А79 Неделя на Манхэттене. – Москва: Издательство АСТ,
2017. — 416 + [32 вкл.] с.: ил. — (Травелоги. Дневник пу-
тешественника).

ISBN 978-5-17-102382-9

Новая книга известной писательницы и общественной де-
ятельницы Марии Арбатовой о неделе, проведённой в Нью-
Йорке, и осмыслении разницы между придуманной и реальной
Америкой. «Говоря языком советской хиппи, поездка дала мне
«фейсом об тейбл»...

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102382-9

© М.И. Арбатова, 2017
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

Америку мне открыл кинофильм «Цирк». Сквозь линзу телевизора «КВН» она выглядела иррациональной силой, ополчившейся на крохотного негритёнка; и, засыпая после просмотра, я, как миллионы советских дошкольников, строила планы спасения негритёнка от «америки». Маман пересматривала фильм сто раз по другой причине — когда Любовь Орлова с «американским акцентом» пела «Спи, мой беби, свадко, свадко...», негритёнка передавали из рук в руки, и каждый представитель союзной республики повторял колыбельный куплет на родном языке.

До 1940 года на языке идиш в стране преподавали в школах, техникумах и играли в театрах, и потому Народный артист СССР Соломон Михоэлс пел негритёнку куплет на идиш. Однако после убийства Михоэлса по личному распоряжению Сталина куплет изъяли, а в оттепель снова вернули в фильм, и маман подчёркивала это каждый раз. Она, как и большинство советских людей, не ведала, что Михоэлс отправил Сталину письмо с просьбой организовать еврейскую автономию в Крыму, откуда евреи когда-то начали путь в Россию.

Письмо подписали поэт Исаак Фефер и литературный критик Шахно Эпштейн. Сталину идея не понравилась — Шахно Эпштейну повезло умереть до массовой расправы над членами Еврейского Антифашистского комитета, а Исаака Фефера пытали и расстреляли. Вместо Крыма Сталин отправил евреев соз-

давать автономию в Приамурье со среднезимней температурой минус 23 градуса. И потому доля евреев составляла там крошечный процент, и каждый раз было очень сложно найти на должность первого секретаря обкома партии человека с еврейской фамилией.

Будучи внучкой одного из основателей сионизма в России — Йосефа Айзенштадта, маман старалась не знать, что её дед принимал участие в учреждении объединения «Хиббат Цион» («Любовь к Сиону») на съезде палестинофилов в Катовице в 1884 году. Съехавшись из Англии, Германии, Румынии, Франции и России, именно члены «Хиббат Циона» наметили еврейскую колонизацию Палестины. И слово «колонизация» здесь ключевое.

У моего отца еврейский сюжет в фильме «Цирк» эмоций не вызывал. Родившись в Рязанской губернии, он увидел первого еврея, только поступив в знаменитый ИФЛИ — Институт философии, литературы и истории, созданный в 1931 году на базе гуманитарных факультетов МГУ. А расстрелами и цензурой его было не удивить — за год до моего рождения прошёл XX-й съезд партии. Узнав, что учебники, по которым он обучал курсантов марксистской философии, будут переписаны, отец хотел застрелиться, и маман спрятала его пистолет.

Идея спасения негритёнка от «америки» владела мной до конца восьмого класса, я даже читала со школьной сцены собственный обличительный стих про Ричарда Никсона. В сочетании с нереально короткой юбкой стих должен был произвести впечатление на красивого туповатого старшеклассника. Но старшекласснику показалось, что я заигрываю не с ним, а с комсомольской верхушкой школы, хотя в комсомол я не вступала по принципиальным соображениям. Идеологическое уже тогда побеждало во мне сексуальное, и старшеклассник исчез из сферы моих интересов.

К тому же я была так озабочена арестом Анжелы Дэвис, что по собственной инициативе собирала в школе подписи за её освобождение. Видимо, она актуализировала во мне образ негритёнка из кинофильма «Цирк». И одноклассники, недоумевая, целый год дразнили меня «Анжелой» с ударением на первом слоге, и сохранилась фотка подружки Оли Чичиной с подписью «Анжеле от Пусикет».

Мы с Олей были главными красавицами класса, но я неотвратимо двигалась в сторону «Анжелы», а она — в сторону «Пусикет». Оля украшала холодильник переводными картинками с очень американскими блондинками, и мне это казалось странным. Потому что в нашей квартире «портреты девушек» исчерпывались Индирой Ганди, вырезанной из журнала, и это удивляло Олю. В результате она вышла замуж за гражданина Франции, чтобы жить в Бельгии; а я — за гражданина Индии, чтобы жить в России.

В девятом классе мы вместе поступили в Школу Юного Журналиста, где известный ныне спортивный журналист Владимир Гескин, а в те времена неизвестный и неспортивный студент журфака делал вид, что учит нас радиожурналистике. И если я впоследствии вела правозащитную радиопрограмму «Право быть собой», на которой и познакомилась с нынешним мужем, обсуждая индийскую демократию, то Оле радиожурналистика не пригодилась.

Школа Юного Журналиста располагалась в здании журфака МГУ, а памятник Ломоносову был культовым местом центровых хиппи. Основатель университета сидел в бронзовых бриджах и бронзовых чулках, а хипповские сборища возле него назывались «встретиться у голоногого». То есть входением в «Систему», которая, говоря нынешним языком, была «массовой протестной гражданской инициативой» под руководством Юрия Буракова по кличке Юра Солнышко, я обязана именно Ломоносову.

Солнышко был хорош собою — длинноволос, высок, худ, русоволос, зеленоглаз и глубоко пронаркоманен. Ленточка на волосах означала, «чтоб не снесло крышу», но крышу давно не держала. Он бесконечно напоминал окружению, кто здесь главный, ежедневно обещал дать в морду сомневающимся, хотя при мне так никому и не дал. Свиту его составляли обаятельные маргиналы с кличками Инерция, Голубь, Страшила, Человек-гора, Леви, Барон, Красноштан...

Сейчас понятно, что в большинстве своём они состояли осведомителями, иначе бы сидели за наркоту, фарцовку и мошенничество, а не разгуливали, мутно зарабатывая на жизнь, прожигая дни по флэтам, раскуривая косяки, слушая западную музыку, читая стихи и болтая об искусстве. Любимой темой в отсутствие Солнышка было обсуждение — стучит он или нет? Правды не знал и не хотел знать никто.

В присутствии Солнышка все смотрели ему в рот, воспринимая его не столько лидером хиппи, сколько паханом с непререкаемым авторитетом. Структура «Системы» казалась единственно возможной и не проросла снизу никакой демократией. Другой вопрос, что, пройдя со временем через четыре вполне либеральные политические партии и будучи в двух из них вторым лицом, я не обнаружила в там особой разницы с «Системой».

Хиппование подразумевало «аморальный американский образ жизни» в «аморальной форме одежды» — распущенные волосы, фенечки с этническими элементами, английские надписи на джинсах и тряпочных сумках. Перечисленное считалось в СССР злостным нарушением общественного порядка и поводом для задержания милицией.

Денег на настоящие джинсы не было, и я, как все хиппующие подростки, вываривала польские джинсы из «Детского мира» в крепком растворе уксуса до линялой американистости. Но милицейский наряд не дифференцировал американские и польские джинсы — подъезжая к кучкующейся хипне, сгребал всех в один узик, а в отделении индивидуально работал с каждым. Но это был не период планомерной ликвидации «Системы», а «бесконтактное карате». Например, мент тебе — завтра pošлю бумагу в школу (институт, университет) и вышибут тебя оттуда с треском; а ты ему — назовите состав преступления, по которому я задержана, буду жаловаться в вышестоящие инстанции.

Не фарцующего и не сидящего на наркоте, милиция пыталась «брат на понт». Девушек вызывали в отдельный кабинет, грозили изнасиловать или «впаять срок за проституцию». И тогда «по внутренней хипповской инструкции» надо было, глядя в глаза, объявлять:

— Вы не имеете права приглашать несовершеннолетнюю в кабинет без инспектора по делам несовершеннолетних! Вы хотите приставать ко мне? Я сейчас же напишу заявление об этом!

Срок за изнасилование несовершеннолетних в СССР давали внушительный, мент летел распахивать дверь и переключался на душевспасительную беседу о моральном облике комсомолки. При этом они совершенно не понимали, что с нами делать, и не договяли, что мы имеем в виду. Если диссиденты презентовались монологами о недостатках социализма, то мы несли пургу про мир во всём мире, свободную любовь и спасение планеты. В ментов-

ском понимании это выглядело как «мир, труд, май», и они изо всех сил пытались понять, почему ж мы так несуразно одеты?

Но мы отказывались переодеваться — одежда была важнейшей формой протеста против социализма, ходили даже слухи, что центровые хиппи устраивали голышом на «Марш любви». Это выглядело ремейком общества «Долой стыд!», освобождавшегося в начале прошлого века от «царской морали и буржуазных предрассудков». И советская милиция не трогала членов общества «Долой стыд!», маршировавших в 1925 году по московским и питерским улицам в одной обуви и лентах с надписью: «Стыд — это буржуазный предрассудок!»

Надеюсь, в кагэбешных архивах сохранились документы хипповского «Марша любви», но я так и не увидела ни одного его участника или свидетеля. Тем более что легендирование было главной питательной средой «Системы», любая информация принималась на веру, а сомневаться считалось неприличным. Все делали вид, что в теме — информированность означала степень близости «ко двору». Позже я с изумлением обнаружила этот идиотский стиль в большой политике.

Помимо легенды о «Марше любви», из уст в уста передавалась история выступления против войны во Вьетнаме. В 1971 году американские хиппи начали протестовать против войны во Вьетнаме. Получалось, что они заодно с советской пропагандистской машиной, и это путало карты, ведь «Система» была антисоветской. Никто до конца не понял, был Солнышко Иваном Сусаниным, попом Гапоном, активным стукачом или доверчивым дураком, но все знали, что наркоман — лёгкая добыча для КГБ.

1 июня 1971 года хиппи собрались в культовых местах, а основной контингент — человек сто-двести — набился во дворик у «голоногого» Ломоносова. Облик собравшихся дополняли самопальные плакаты с пацифистской «куриной лапкой» и надписями «Yankee go home!», «Make love, not war». Ожидая команды к выступлению, войско свободы топталось «у голоногого», но ровно в двенадцать дня распахнулись намертво закрытые чугунные ворота перед журфаком, и во двор метнулись три автобуса с милицией. Хиппи были окружены, затолканы внутрь и развезены по отделениям.

Кто-то получил «комсомольскую путёвку» в тюрьму за тунеядство, кто-то в армию, кто-то в психушку, кто-то на отчисление из вуза, кто-то на увольнение с работы. У кого-то нашлись

заступники и деньги на взятки, у кого-то не нашлись, совсем не пострадал только Юра Солнышко. Когда я девятиклассницей пришла в «Систему», она зализывала раны.

Горстки лохматых «американских пособников» топтались в «Трубе» — подземном переходе от «Националя» к Красной площади; «на Пушке» — возле памятника Пушкину; на «Маяке» — у памятника Маяковскому; у «голоногого» и перед кафешками «Московское» и «Космос». Как говаривал мой дружок хипповской юности режиссёр Борис Юхананов: «Со Стрита на Квадрат, а с квадрата на Стрит — вам это что-нибудь говорит?»

Солнышко мешал наркоту с алкоголем, и, когда «в крови кончались колёса» выдавал приступы агрессии. Обсуждать состояние его здоровья и интеллекта внутри хипповской «Системы» запрещалось так же жёстко, как обсуждать состояние здоровья и интеллекта Брежнева внутри советской системы. Я периодически попадала Солнышку под раздачу за слишком длинный язык, но под раздачу попадали и более взрослые хиппи. При этом недовольства, оппозиции и претендентов на лидерство в «Системе» не возникало.

Во-первых, никто толком не понимал, как она устроена и где её границы; во-вторых, всем хотелось иметь среду, слушать запрещённую музыку, читать ротапринты запрещённых книг, мотаться по стране автостопом и останавливаться у хиппи в других городах. Это вполне заменяло декларируемое желание вернуться в первозданный мир с помощью любви и пацифизма. К тому же Солнышко был молодёжной суперзвездой, и каждый иногородний хиппи мечтал увидеть его живьём.

Центровую золотую молодёжь в «Системе» разбавляли те, кого теперь называют «гопниками», тогда называли «урлой», а особо начитанные хиппи — «морлоками». И, подрулив в культовом месте к горстке социально близких, иногородний морлок небрежно спрашивал:

— Чё, чуваки, Солнце будет?

И ему отвечали, мол, ждём, или, мол, «безмазовый день». Это означало, что иногородний допущен к диалогу и может «нааскать на ботл» или «нааскать сигарет», чтобы рассчитывать на продолжение диалога и право вписаться на какой-нибудь «волосатый флэт». Поскольку хиппи лепили себя с американских коллег, то изъяснялись исключительно «на американском языке».

Состоял он из перлов типа: «хайер» — длинные волосы; «ксивник» — сумка с документами; «фак-сейшен» — квартира, где можно устроить групповуху; «бёздник» — день рождения; «нааскать» — наклеить; бессмертные «лайф не в кайф» и «кейсом по фэйсу, а фэйсом об тейбл» и т.п. Но если американские хиппи бунтовали против «общества потребления», то мы, повторяя их речёвки, жили в условиях «выбрасывания на прилавки и доставания по благу» всего — от лекарств до туалетной бумаги.

И если американские хипповские коммуны состояли из самоорганизованных компаний, захвативших пустующие дома, то наша «Система» распозалась по «государственным флэтам» — дворничким и котельным. И подразумеваемая «вписку» любого одетого «в форму» на ночёвку, жила, как и всё советское общество, по табели о рангах.

В моём распоряжении были две дедовские комнаты на Арбате, из-за которых и сложилась кликуха «Маша с Арбата, Маша Арбатова». Но, владея «центровым флэтом», я осторожничала с правилами «вписки». Во-первых, соседи немедленно вызывали милицию. Во-вторых, после каждого визита легендарного Красноштана, исчезала ценная книга. Он был мошенником-виртуозом — отследить момент перемещения книги в его жирное подбрюшье не получилось ни разу.

А о приглашении Солнышка я и не думала, хотя с точки зрения хипповского статуса это означало большую звезду на погонах. Но было ясно, что Солнышко установит на моей территории свой порядок. И приходилось проявлять чудеса дипломатии, чтоб, оставаясь в «Системе», открывать двери тем, кого выбрала сама, а не тем, кого выбрала для этого «Система».

Вокруг главной звезды хипповской «солнечной системы», многократно лежавшей в психушках, вращались самостоятельные планеты — художники, литераторы, музыканты и сидящие на документах «выезжанты», предпочитавшие суете в свите Солнышка выверенную дистанцию.

Они, как старшие родственники, брали на себя функции воспитания и социализации молодняка, защищали, если кто-то тянул к девчонкам лапы или убеждал попробовать наркоты. И рассказывали малолеткам, что Америка — «город Солнца», ведь тамошних хиппи никто не волочёт за волосы в ментовской уазик, не грозит выслать за сто первый километр и не бьёт по почкам на цементном полу.

Моя подруга тесно общалась с Юрой Солнышко и даже носила маме-редакторше его графоманский роман «Бегство». При всей своей асоциальности Солнышко надеялся опубликовать его в толстом государственном журнале. Подруга говорила, что к этому моменту у него была язвенная стадия сифилиса, но то ли он не желал лечиться, то ли антибиотики уже не срабатывали в убитом наркотой организме.

В «Системе» практиковалось два подхода к расширению сознания. Одни ставили на стол во время вечеринки тарелку с таблетками, экспериментировали и быстро умирали от передоза. Другие расширяли сознание ротапринтными, а то и рукописными кусками текстов Кастанеды; добавляли к этому неумелые йоговские позы, занятия «приблизительно индийскими» танцами, самопальным тантрическим сексом и тому подобным. Инстинкт самосохранения подтолкнул меня ко вторым, посему я пишу эти строки, а не лежу на Востряковском кладбище.

С неаккуратных ротапринтных страниц до нас долетали аккорды западной психоделической революции, обращённой к традициям индейцев, использовавших галлюциногены. Но если выговаривание имени Кастанеды было пропуском в высоколобую дискуссию, то о Грофе мы вовсе не слышали. Как и о том, что предки индейцев переселились на соседнее полушарие из Северо-Восточной Азии через Беринговский мост, исчезнувший в Беринговом проливе больше 12 000 лет назад.

Но даже зная, что прародина индейцев Алтай; что они родня наших чукчей и коряков, мы ни за что не поехали бы туда расширять сознание. Потому что индейцев сочинили себе с помощью кинопрокатного секс-символа — югослава Гойко Митича. И информацию о свободе и расширении сознания готовы были получать только от «очень хиппующего очень американского американца в очень американских джинсах».

Мы старались быть похожими на этого «очень хиппующего очень американского американца», нас было видно за версту не только по патлатости, фенечкам, бахромке и бусинкам — мы иначе двигались, смотрели и говорили, вызывая ужас, зависть и ненависть. И я благодарна «Системе» за навык говорить и делать только, то, что думаю. И благодарна Америке за то, что она сконструировала хиппи, которым мы подражали, не подозревая, что, хиппуя в СССР, прилагали в сто раз больше усилий,

чем наши американские коллеги. То есть были в сто раз свободней, чем они.

Отхипповав, поучившись на философском МГУ, уйдя на отделение драматургии Литературного института и родив сыновей, я попала в клубную жизнь расписного буфета Центрального Дома Литераторов. Эта жизнь, грубо оборванная в девяностые, была цеховой средой, возвращающей молодых литераторов. Великие запросто присаживались к нам за столик с чашкой кофе за 15 копеек и образовывали нас ярче и щедрее, чем профессора МГУ и Литинститут, вместе взятые.

В расписном буфете можно было запросто пообщаться с Павлом Григорьевичем Антокольским и Арсением Александровичем Тарковским; а шестидесятники болели звёздной болезнью и презрительно пробегали в ресторан Дубового зала, на который у нас не было денег. Однажды в буфетном застолье, где литераторши пили кофе под бутерброды с заветренным сыром, а литераторы закусывали водку селёдкой на чёрном хлебе, появился высокий очень смуглый и очень кудрявый парень. Он, как литераторши, пил кофе под бутерброд с сыром и хохотал так, что согревал несколько кубометров воздуха вокруг столика.

Небесный диспетчер осуществил мою детскую мечту познакомиться с негритёнком из кинофильма «Цирк», чтоб «защитить его», хотя защищать было не от кого — в ЦДЛ не существовало человека, не обожавшего Джеймса Паттерсона. Знакомясь, он представлялся Джимом, и любимой шуткой пьяных литераторов было зависнуть над его столиком и пророкотать: «Дай, Джим, на счастье лапу мне! Такую лапу не видал я сроду!» И каждый раз он хохотал шутке, как свежей и подавал свою точёную смуглую руку.

Ещё его называли Пушкиным, несмотря на средние стихи: «Эй, Пушкин! Тебе кофе взять?» И весь зал оборачивался, а он снова хохотал в ответ. Казалось, впитав океан зрительской любви, Джеймс ежесекундно возвращает её обратно. И не верилось, что этот красавчик с безукоризненными манерами — правнук раба.

Прадед Джеймса Патрик Хэгер родился в Америке рабом, белая хозяйка швырнула младенца в огонь, но его спасли. Правая рука почти сгорела, а для работы на хозяев осталась левая. И Джеймс обращался в автобиографической книге к прадеду: «Мой однорукий прадед! Земля, с которой у тебя связано столько надежд, не принесла тебе всходов...»

Отец Джеймса — Ллойд Паттерсон — выучился в нью-йоркском театральном колледже на художника-декоратора, но когда в тридцатые годы чёрным запретили преподавать, вошёл в оргкомитет протестной забастовки. Полиция включила Ллойда «в чёрный список чёрных», означавший «белый билет» — безработицу и голодную смерть. Но тут в негритянской газете появилось объявление, приглашающее группу негритянской молодёжи на съёмки фильма «Чёрный и белый» в «Межрабпомфильм».

И в 1932 году мама Ллойда — Маргарита Глэско — благословила двадцатидвухлетнего сына на поездку в СССР в компании 22 гарлемских деятелей искусств, собранной видным деятелем «Гарлемского возрождения» Джеймсом Мёрсером Лэнгстоном Хьюзом. Хьюза позвали в СССР писать сценарий фильма о преступлениях американского расизма, но после начала съёмок в Крыму проект почему-то закрыли.

Компания во главе с Хьюзом отправилась после этого в Туркестан, а Ллойд Паттерсон остался в Москве, влюбившись в дочь разведчика Первой конной армии Будённого — художницу Веру Аралову. В 1933 году у них родился Джеймс, через два года — Роберт, а ещё через два года — Том. Роберт погиб после войны в автомобильной катастрофе, Том стал телеоператором, а двухлетний Джеймс превратился в мегазвезду советского кино.

Ллойд Паттерсон работал диктором радиопрограмм на англоговорящие страны, но в начале войны его контузило. Не долечившись, он поехал в Свердловск навестить эвакуированную жену и сыновей, а оттуда был командирован работать диктором на радио Комсомольска-на-Амуре. В марте 1942 года тридцатидвухлетний Ллойд Паттерсон потерял сознание, сидя в прямом эфире, его отвезли в госпиталь, но не сумели спасти.

А Вера Ипполитовна Аралова-Паттерсон — любимица Фурцевой — стала главным художником Дома моделей. Она делала эскизы костюмов для лучших театров Москвы, продавала свои картины Министерству культуры и частным клиентам, и одной из первых в стране получила звание Заслуженного художника РСФСР. Именно она в 60-е придумала женские сапоги «казачок» до колен по просьбе Любви Орловой, возмущённой тем, что «у мужчин есть сапоги, а у женщин нет».

После показа коллекции Веры Араловой в Париже, мода на сапоги «казачок» пошла по всему миру. И семья Паттерсонов-

Араловых прочно вошла в советский бомонд и вселилась в квартиру одного из самых престижных домов Москвы — в начале набережной Тараса Шевченко. Эта сторона Кутузовского считалась кагэбэшной, а противоположная — цэковской.

Собственно, и в кинофильм «Цирк» Джеймс попал благодаря дружбе Веры Араловой с Любовью Орловой и Григорием Александровым. А когда из Америки приехала бабушка Джеймса — та самая Маргарита Глэско, активистка негритянской организации, благословившая Ллойда на переезд в СССР, Григорий Александров умолял её сняться в роли бабушки негритёнка. Но бабушка Джеймса объяснила, что, если в США её увидят в качестве актриски, она дискредитирует свою общественную деятельность.

В пятом классе Вера Ипполитовна зачем-то засунула Джеймса в Рижское Нахимовское училище, и во время военного парада на Красной площади Сталину доложили, что в колонне марширует «негритёнок» из «Цирка». А через много лет Хрущёву пришло письмо от адмирала Ивана Исакова. Приводя в пример Джеймса Паттерсона, адмирал предлагал набрать для службы на флоте чёрных с юга США и водить их на демонстрации, подчёркивая советский интернационализм на фоне американского расизма. Он уверял: «Все остальное сделают их письма к родственникам и мировые средства массовой информации!»

Но пока военная бюрократия присматривалась к этой политехнологии, Джеймс демобилизовался. Его угнетало навязанное Верой Ипполитовной амплуа морского офицера, и он первый и последний раз в жизни ослушался мать. А ещё отправил стихи на творческий конкурс Литературного института, и Михаил Светлов тут же взял Джеймса учиться в своём поэтическом семинаре и рекомендовал в Союз писателей СССР.

Стихи были графоманскими, но после фильма «Цирк» Джеймс оказался заложником образа «счастливого советского негра», бесконечно используемого то для телеагиток, то для военного шоу, то для литературного. Он был красив, востребован и всеми любим, но столько, сколько мы общались, за спиной его мрачнел монументальный образ Веры Ипполитовны.

Каждая встреча с Джеймсом в ЦДЛ начиналась с предложения посмотреть новую картину мамы, но я так и не дошла до набережной Тараса Шевченко, потому, что Вера Ипполитовна держала сына на неприлично коротком поводке. Она всегда

подходила к телефону сама, учиняла допрос и решала, подзывать Джеймса или нет. Выглядело это светски, но было умелым моральным обыском. Меня Вера Ипполитовна «приняла», выяснив в первом же телефонном разговоре, что я — счастливо замужняя с двумя детьми, ничем «не опасная сыну».

Больше никто из девиц нашей компании не пользовался таким доверием, и в расписном буфете ЦДЛа бывшего морского офицера дразнили «маменькиным сынком».

Ближайшим другом Джеймса был поэт Владимир Дагуров. Они оттеняли и подчёркивали друг друга: один наполовину африканец, второй — наполовину бурят; один — офицер-подводник, другой — врач-фармаколог. Оба открытые, лёгкие и праздничные. Джеймс, как и я, родился 17 июля, но на 24 года раньше. А Владимир Дагуров был старше меня на 17 лет и ухаживал за моей подругой — поэтессой Наташей Зайцевой.

Именно Владимир Дагуров настоял на том, чтоб я подписала первую публикацию хипповской кличкой Арбатова. Именно он в 1979 году руководил компанией литераторов, помогавшей нашей молодой семье переезжать из арбатских комнат в новую ясеневскую квартиру. Таскал мебель, тюки с вещами и ворчал: «Творческие люди, а уже нажили столько барахла!» Именно с ним мы обсуждали, как женить Джеймса, и радовались, когда у него начались серьёзные отношения с прехорошенькой поэтессой Ириной Толоконниковой.

А когда они зарегистрировали брак, ЦДЛовское братство подняло за это не одну рюмку водки и, конечно, обсудило цвет кожи будущих деток. Но до деток не дошло — Вера Ипполитовна непустила невестку на порог шикарной квартиры и на крыльцо номенклатурной дачи. Джеймс разрывался между женой и мамой, но вторая побеждала с большим отрывом.

В 1991 году привыкшие жить на широкую ногу Араловы-Паттерсоны остались с двумя крошечными пенсиями. Прежде они кормились по факту верности режиму — картины Веры Ипполитовны закупались Минкультом, а Джеймс зарабатывал поездками по стране с чтением стихов от Бюро пропаганды при Союзе писателей СССР. И Вера Ипполитовна почему-то решила, что если молочные реки и кисельные берега обмелели на Родине, они, конечно же, ждут в Америке. Она железной рукой развела сына с Ириной Толоконниковой и увезла в 1994 году в Вашингтон.

Это поразило всех, ведь Джеймс когда-то писал: «Иногда я думаю, как бы сложилась моя судьба там, в Америке? И понимаю, наказан был бы со дня рождения... В тридцати штатах моим родителям грозило бы десятилетнее тюремное заключение, в пятнадцати — смертная казнь. И только за то, что белая породнилась с чёрным!»

Будучи дома культовыми персонажами, Джеймс и Вера Ипполитовна не понимали, что для Америки они всего лишь пожилые экономические эмигранты. Вере Ипполитовне исполнилось 83, а Джеймсу — 60, но она вбила сыну в голову, что, не будучи ярким поэтом на родном языке, он станет звездой на английском, которым почти не владеет.

Какое-то время перебивались продажей её картин, а Джеймс читал стихи нашим эмигрантам. Но количество поклонников живописи Веры Араловой исчерпалось так же быстро, как и количество слушателей Джеймса Паттерсона. В 2001 году Вера Ипполитовна умерла, и Том, живущий в Москве, захоронил её прах на Армянском кладбище в могилу младшего брата Роберта.

Получилось, что если «киномама» — Любовь Орлова в фильме «Цирк» — прятала «негритёнка» от чужих глаз; то Вера Ипполитовна предьявляла его как аргумент сперва в нашей стране против Америки, а потом в Америке против нашей страны. Задумывалась ли эта блистательная женщина хоть раз за свои 90 лет о том, что сделала из Джеймса выставочного пуделя, которого таскала за собой на поводке, не дав не только создать семью, но и остаться в своей стране?

Потеряв мать, Джеймс впал в депрессию и перестал выходить на связь. Пресса сочинила, что «спился и умер в Вашингтоне», но все, кто знал Джеймса, понимали, что это не про него. Потом его показали по телеку исхудавшим и постаревшим на убогой кухоньке социального жилья. С конца семидесятых до конца девяностых Джеймс не менялся — был стабильно молод, красив и элегантен, и потому казалось, что телевизионщики сняли отдалённо напоминающего его старика. Просочились слухи — попал на операцию, там его случайно инфицировали, потом долго лечили от этого.

И 17 мая 2014 года телепрограмма «Прямой эфир» организовала телемост к 80-летию Джеймса. В московской студии плакала бывшая жена — Ирина Толоконникова-Паттерсон, ис-